Латышева, В. А. События 1917 г. как бифуркация в истории / В. А. Латышева // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 4 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск: БДУ, 2009. — С. 277–282.

В. А. ЛАТЫШЕВА

СОБЫТИЯ 1917 г. КАК БИФУРКАЦИЯ В ИСТОРИИ

Беларусь XX в. впитала всю совокупность политических экономических, социальных, культурных и других процессов, происходивших как на ее территории, так и в пределах всей Российской империи, а затем и всего СССР. Социальные трансформации, начавшиеся в обществе еще в XIX в., значительно ускорились в первые два десятилетия XX в. Растущий социальный метаболизм в рамках всей России быстро трансформировал исторический «портрет» ее государственной системы. Знаменем времени становилось усложнение структур.

Экономическая структура системы входила в новую стадию развития капитализма, когда появилась монополия как форма собственности. Социальная структура усложнилась процессом смены феодального общества буржуазным. Рабочий класс приобретал черты профессионального. Четкий контур социальной группы получила торгово-промышленная буржуазия. Жизнь сельского населения регламентировалась новой, буржуазной дифференциацией. Политическая система отозвалась на вызов эпохи появлением партий, более высокой как в количественном (увеличение состава), так и в качественном отношении, организацией политических структур. Об усложнении системы в целом свидетельствовала активизация всего процесса формирования белорусской нации.

Повышенный динамизм процессов первой четверти XX в., звенья острейших социально-политических конфликтов того времени (революции и войны, изменение государственного строя) быстро трансформировали население государства. Усложнение существования социума породило тот пороговый рубеж, когда жизнь системы стала диктовать выбор новых форм. Их дифференциация более всего была основана на политических предпочтениях. Именно они в переломные моменты развития объединяли людей в целые партии, течения и движения.

Время выбора, или более привычное название которому, устоявшееся в историографии, — «революции», ввергло систему в хаос (или хаос ввергло систему в состояние революции?). Революция 1905—1907 гг. четко обозначила возможные альтернативы дальнейшего хода исторического процесса как в России в целом, так и в ее отдельных регионах, в том числе в Беларуси. Возможными альтернативами развития были: либерально-буржуазная, революционно-демократическая, монархическая.

Функция самосохранения системы реализовалась заменой прежних устоев порядком, сделав наиболее приемлемый для себя выбор на тот отрезок времени. Пришла новая волна дифференциации социальных форм, усложнявшая систему.

Уже в начале XX в. политическая жизнь ознаменовалась «дуалистической» монархией, когда в государственной системе сохранялась прежняя структура царской власти и появился такой элемент парламентаризма, как законодательная Дума, избираемая на основе имущественного и национального цензов. Происходило становление монархического конституционализма. Эти изменения свидетельствовали о качественно новом уровне в развитии политической структуры Российской империи.

Экономическую систему по-прежнему характеризовал капитализм, но уже в империалистической стадии, когда экономическая жизнь оказалась тесно связанной с банками, синдикатами, трестами, картелями.

Разрушением сельской общины, становлением интеллигенции, дальнейшим расслоением «общероссийского» социума в условиях империализма — такими нововведениями ответила на вызов времени социальная структура государства.

Об усложнении культурной жизни свидетельствовали усложнение проблематики национального возрождения, складывание белорусского литературного языка, появление национальной печати и др.

Человек того времени ощущал повышение материального благосостояния. Наследственные богачи при этом беднели, индустриальные рабочие обращались в пролетариев, причем с 1900 г. их жизнь начала улучшаться. Люди среднего достатка расширяли свои экономические возможности. Росла не только материальная обеспеченность (возможность получения и предложения благ), создавался комфорт и относительный общественный порядок.

Укреплялась экономическая независимость личности. «То, что раньше считалось милостью судьбы и вызывало умиленную благодарность, теперь рассматривалось как законное благо, за которое не благодарят, которое получают» [1, с. 124].

Концентрированным выражением такого состояния были демографические показатели. С начала XX в. отмечалась устойчивая демографическая динамика. Так, количество населения, имея в виду территорию современной Беларуси, возросло с 6424,2 тыс. (по переписи 1897 г. [2, с. 12]) до 7443,0 тыс. (по данным на 1909 г. [3, с. 45]), и этот процесс продолжал носить характер эволюционирующей динамики и далее [4,

с. 26]. Сказывалось то обстоятельство, что обычные факторы изменения динамики народонаселения на протяжении всего XIX в. слабо влияли на ее колебания: войны Империи были локальными, а голод и эпидемии охватывали ограниченное пространство. В то же время технологические процессы (характерные для НТР) как межсистемная тенденция создавали предпосылки для дальнейшего роста народонаселения.

Изменение численности населения отчасти было связано и с динамикой цензовой промышленности, характерной для Беларуси. Изменения носили положительный характер. Рост обеспечивался, главным образом, за счет механизации производства [5, с. 304].

В целом конец XIX — начало XX в. характеризовались значительным приростом населения на территории всей Российской империи. Не случайно, демографы называют это время настоящим демографическим взрывом. Такой феномен был связан с высоким уровнем рождаемости и постепенным снижением уровня смертности. Социум характеризовала демографическая молодость: в системе общества доминировали возрастные структуры, включавшие детей и молодых людей. Эти категории населения, как показывает практика, наиболее чувствительны к так называемому «бескорыстному риску». Они быстро и проникновенно поддаются идеологизации, инстинктивно и более других ощущают время и его ритмы, отличаются хорошо управляемой приверженностью идее «армии толпы».

Уже к началу XX в. резервы экстенсивного роста подходили к своему завершению. Однако доминировала его инерция, и имели место соответствующие настроения в обществе. Последовавшие события подтвердили такую эволюцию. Об этом свидетельствуют многочисленные официальные и мемуарные источники, обширные материалы истории повседневности, еще недостаточно введенные в научный оборот.

Жажда новых успехов и достижений рождала в умах политиков, интеллигенции, всего социума некого ожидания — от «маленькой победоносной войны» до «революционной бури» [6, с. 141]. И действительно, более или менее стабильное существование социума прервалось Первой мировой войной. В самой ее природе, характере скрыта «самоценность движения»: «процессы сражения, захвата и грабежа с их спектром эмоциональных переживаний для субъекта, — отмечал А. П. Назаретян, — оказываются привлекательнее, чем предметные результаты» [7, с. 23].

Первая мировая война как мощный поток обмена энергией-информацией решительным образом внесла изменения в жизнь системы, под-

держивая уже начинавшееся утверждение новых форм развития социума.

Через Февральскую революцию 1917 г. система-государство изменила уже изжитый образ существования в форме царизма. «Эта революция, — по словам И. М. Игнатенко, — не только смела всю царскую монархию, не только передала всю власть буржуазии, но и дошла впритык до революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» [8, с. 23]. Бифуркационным механизмом преобразований были рождены такие структуры, как Советы и Временное правительство. Они смогли осуществить изменение прошлой формы существования, и такая доминанта в их функционировании на этом и заканчивалась. Как отмечает Г. Иоффе, «к моменту крушения царизма эсеры, меньшевики, большевики переживали, пожалуй, свои худшие времена: их пропагандистская деятельность в масштабе огромной страны была ограниченной, а лучшие, руководящие силы находились в ссылке или в эмиграции. Наибольшую активность проявляла либеральная оппозиция, но она отнюдь не стремилась дать простор революционной энергии «низов» [9, с. 13]. Понятно, что такое положение соответствовало состоянию неопределенности в социуме. Одним из подтверждений тому служат еще остававшиеся реальными альтернативы дальнейшего хода исторического процесса, их развитие: от буржуазно-реформистской альтернативы к развитому капитализму; от пролетарско-революционной — к социализму; через контрреволюционный переворот — к восстановлению монархии; через контрреволюционный переворот — к установлению военной диктатуры; от сохранения единства Российского государства к предоставлению народам права выбора.

Одна из альтернатив для Беларуси была связана с национально-освободительным возрождением.

Беларусь реагировала на события как открытая система, в границах которой сливалась энергия внутренних структур с энергией, поступавшей из-за ее пределов. Ее несла как складывавшаяся обстановка в рамках российской системы, так и Первая мировая война. Волна национальной идеи, которая проявила себя в Беларуси еще в начале столетия рождением БСГ, как социальная память возродилась в 1917 г. в образе уже сложноструктурированной самоорганизации с проявившейся тенденцией к образованию отдельной государственной системы.

В марте 1917 г. был избран Белорусский национальный комитет, который предлагал выход из неустойчивого состояния к более равновесному на пути выборов в Белорусскую краевую раду, разработки консти-

туции, образования кооперативов, создания белорусскоязычных школ, а позднее — местных органов власти, воинских формирований. В июле была избрана Центральная рада белорусских организаций.

Как известно, в ходе развития революции прошли выборы в местные органы самоуправления, создан Центральный воинский комитет Западного фронта. Наряду с ними был образован и действовал Облисполкомзап и СНК Западной области.

В границах расселения и количественного перевеса коренного населения Беларусь была провозглашена Народной Республикой — БНР. Возникший системный механизм все более и более стремился к самоорганизации через утверждение таких атрибутов государства, как герб и флаг, паспортизация граждан, принятие постановления об утверждении государственного языка и т. д. При этом нельзя не учитывать и того обстоятельства, что возможность образования и развития такого механизма была взаимосвязана с немецкой оккупационной политикой, как способом самосохранения на оккупированных землях в условиях наличия более сильной системы. Тем не менее быстротекущее динамичное время перемен в связи с обстановкой на фронте и политической ситуацией в стране придало структурам БНР функцию потери актуальности и своевременности существования в рамках европейской и мировой системы.

Тенденция новой России к установлению порядка на всех входивших в ее состав территориях, претензии Украины, Литвы и Польши, отношения между системами-государствами в политической области, ратифицирование Рижского мирного договора, Ноябрьская революция 1918 г. в Германии и другие факторы поставили перед новорожденной системой белорусского государства вопрос о выборе пути самосохранения. Причем он осложнялся тем, что межсистемные взаимодействия приобрели опасный характер. Новая система не могла быть структурирована в рамках БНР и, чтобы сохраниться, она делала новый выбор в поиске форм порядка. Избегая возможности полнейшего разрушения в условиях мировой войны и «ленинской» России, система-Беларусь через большевистских руководителей «выбирает» будущее как республика Советского Союза.

Такая реализованная альтернатива, как образование БССР, первоначально, а затем и после ее вхождения в состав СССР давала возможность, пусть ограниченного, но самостоятельного существования Беларуси на правах взаимного симбиоза в отличии от ее прошлой истории. Таким образом был решен довольно острый вопрос национально-

го самоопределения. Из Северо-Западного края, «присоединенных губерний» белорусские земли стали существовать как Советская Социалистическая Республика. Более чем на 70 лет Беларусь снова продолжила свой исторический путь вместе с Россией под общим именем — Советский Союз, выступая вместе с другими его республиками как одно целое, совершая общие циклы в развитии.

1917 год стал поворотным пунктом в истории многих из существующих государств, образованных на территории уже постсоветского пространства. Цикличность взаимных переходов от хаоса к порядку привела к утверждению новых форм развития социумов в период с 1917 до начала 1920 г. Не случайно Октябрь, поломавший и разрушивший опыт столетий, получил название «красного», а сама новая, утверждавшаяся власть большевиков уже потенциально-психологически должна была взывать к ассоциациям цвета крови.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ортега-и-Гассет, Х.* Восстание Масс / Х. Ортега-и-Гассет. М.: Прогресс, 1992. 385 с.

2. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всероссийской переписи населения. СПб.: Слово, 1905.

3. *Эбэрхардт, П.* Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі. 1897—1989 / П. Эбэрхардт. Берасьце: Беларускі Фонд Сораса, 1997. 282 с.

4. Население России в XX веке: Исторические очерки / отв. ред. изд. Ю. А. Поляков; отв. ред. В. Б. Жиромская; Рос. акад. наук. Отд-ние истории, Науч. совет по ист. демографии и ист. географии, Ин-т рос. истории. Т. 1. 1900—1939, 2001. 343 с.

5. Белоруссия в эпоху капитализма. Т. 2. Минск: Наука и техника, 1990.

6. *Назаретян, А. П.* Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории (Синергетика — психология — прогнозирование) / А. П. Назаретян. 2-е изд. М.: Мир, 2004. 398 с.

7. *Назаретян, А. П.* Политическая психология: предмет, концептуальные основания, задачи / А. П. Назаретян // Общественные науки и современность. 1998. № 1. С. 25—39.

8. *Игнатенко, И. М.* Октябрьская революция и самоопределение Беларуси / И. М. Игнатенко. Минск: Навука і тэхніка, 1992. 254 с.

9. Архив Русской революции: в 22 т. М.: Терра Политиздат, 1991. Т. 1—2. 226 с.